

Владимир Музлов

УБЛЮДКИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Владимир Музлов

Ублюдки

<https://litres.ru/73362279>

SelfPub; 2026

Аннотация

Это увлекательное продолжение первой книги автора «Неудачник». Как и предыдущее произведение, «Ублюдки» написано в колонии строгого режима и повествует о его жизни уже за стенами казенных учреждений, этапе из Москвы через пересыльные тюрьмы на Крайний Север.

В книге также собраны рассказы о страшных преступниках и маньяках, лагерной жизни и вообще о людях, которые тем или иным образом связаны со следственной, судебной системой и системой исполнения наказания.

Все истории основаны на реальных событиях и описаны так, что читатель может погрузиться в эту атмосферу и почувствовать на себе все переживания героев книги.

Фамилии и имена изменены, все совпадения случайность. События основаны на официальных документах, включая приговоры судов и материалы следствия. По моральным соображениям, автор внес некоторые художественные изменения и исключил детальные описания злодеяний в силу их чрезмерной жестокости и с заботой о психике читателей.

Содержание

ГЛАВА 1. ПРИЁМ.	7
ГЛАВА 2.	14
ГЛАВА 3. АРЕСТ.	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Владимир Музлов

Ублюдки

Владимир Музлов

УБЛЮДКИ

Самиздат

Москва 2026

УДК

ББК

М 11

Музлов, Владимир Олегович.

М11 УБЛЮДКИ. Самиздат, Москва 2026. – 290 с.

Это увлекательное продолжение первой книги автора «Неудачник». Как и предыдущее произведение, «Ублюдки» написано в колонии строгого режима и повествует о его жизни уже за стенами казенных учреждений, этапе из Москвы через пересыльные тюрьмы на Крайний Север.

В книге также собраны рассказы о страшных преступлениях и маньяках, лагерной жизни и вообще о людях, которые тем или иным образом связаны со следственной, судебной системой и системой исполнения наказания.

Все истории основаны на реальных событиях и описаны

так, что читатель может погрузиться в эту атмосферу и почувствовать на себе все переживания героев книги.

Фамилии и имена изменены, все совпадения случайность. События основаны на официальных документах, включая приговоры судов и материалы следствия. По моральным соображениям, автор внес некоторые художественные изменения и исключил детальные описания злодеяний в силу их чрезмерной жестокости и с заботой о психике читателей.

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав.

Все подробности на www.muzlov.ru

УДК

ББК

© В.О. Музлов 2026.

© Е.О. Музлов 2026.

© Н.В. Музлова 2026.

*Эта книга посвящается всем
добрым людям,*

*которые независимо от того,
где они находятся,
продолжают оставаться людьми.*

ГЛАВА 1. ПРИЁМ.

В лагерном бараке отряда №8 было оченьлюдно. Каждый из 97 человек отряда занимался своим делом. Кто-то играл в нарды, кто-то валялся на шконке с телефоном в руке. В рассечках (пространство между двухъярусными кроватями), до потолка занавешенных старыми одеялами и простынями, кипела жизнь. В одной, на импровизированной плитке, жарили картошку и разливали самогон. В другой, кому-то на плече били татуировку с изображением голой девы.

В некоторых рассечках на входе была выставлена табуретка. Это означало, что люди заняты делом, и беспокоить их точно не стоит.

В воздухе висел плотный слой табачного дыма, запах которого перемешивался с сотней других запахов еды, бражки, пота и всего что может производить мужское общежитие уголовников.

– Карантин ведут, – проорал «атасник» и ему вторили в каждой секции барака остальные специально поставленные для этого зэки.

Гул немного поутих и в первой секции уже собрались почти все жители.

Вошли 4 человека в разных одеждах со скрученными матрасами и клетчатыми баулами. На них уставились десятки изучающих глаз, повидавших немало горя и страданий.

– Олекминский? – спросил кто-то у вошедшего деда, и его сразу забрали несколько человек в отдельную комнату.

– Чё, по какой заехал? – спросил, не вставая с кровати, толстый паренек по кличке Кабан.

– 105-я, – ответил один из вошедших.

– 228, – последовал ответ второго.

– Барыга что ли? – вмешался в разговор кто-то из толпы.

– Да я..., – начал было оправдываться невысокий паренек, но его перебили.

– Да хули ты там пиздишь? Детей травил? – Парень промолчал. – Ладно, потом с тобой пообщаемся, – повернувшись к последнему карантинщику, добавил Кабан и продолжил свои вопросы уже в адрес последнего.

– А ты, говорят девочек маленьких любишь? – обратился он к жирному, низкого роста мужику лет сорока. – Ну шас поговорим.

В это время тех двоих усадили на соседние шконки и продолжили расспросы уже другие арестанты. Кто-то принес крепкий чай и поставил на тумбочку, высыпав горсть карамельных конфет рядом.

Парней обступили несколько лысых зэков и стали интересоваться кто, откуда, не обращая внимания на основную массу, взгляды которой были прикованы именно к этому жирному мужику.

Посыпались вопросы с разных сторон, и уже было непонятно, кто их задаёт.

– Так чё, дети нравятся?

– Да я... Да это..., – еле слышно начал он.

– Ты хули там мычишь, гнида? Говори, твоя делюга? – вмешался в разговор пожилой зэк.

– Не я, нет, не моя, – заикаясь, оправдывался Воробей, так его дразнили.

– Бумаги давай. Бумаги говорю, есть? – последовал новый вопрос уже от другого сидельца.

Воробей полез в баул и начал вытаскивать приговор и еще какую-то кипу бумажек.

– Да мы чё, от ментовских бумаг шагать, что ли будем? – выкрикнул мужичек откуда-то из конца комнаты.

– Нет, конечно, но почитаем что пишут, – с этими словами Кабан начал рассматривать помятые листы приговора.

Неизвестно как, но у входа появились два сосновых длинных бруска 5х5 см. Видимо их кто-то принес по полученному сигналу или уже по заведенной традиции.

– Слышь ты, гандон, ты чёт тут нам пиздишь, а?

– Я им говорил, что не я, а они заставили, следаки, – неуверенно продолжил мычать Воробей, сидя на корточках.

В этот момент в секцию вошёл парень лет 30-ти спортивного телосложения и облокотившись на дверной косяк молча смотрел на Воробья. Это был Рахим, не последний человек в лагере. Его слово, по крайней мере, в этом бараке решало всё.

Еще минут пять продолжались расспросы сидельцев и

несвязные еле слышные ответы Воробья. Всё это время он сидел на корточках в центре обступившей его толпы зэков.

Рахим молча, взял брусок, и все расступились. Он размахнулся и с силой опустил брусок на плечо Воробья. Воробей завизжал от боли как поросенок.

– Говори пидор, трогал ребёнка? – и он со всего размаха нанес второй удар бруском, но уже в колено.

– Сука, вечером всё равно всё выяснится, лучше не пизди.
– С этими словами он замахнулся в третий раз.

– Я, моя, я пьяный был, не помню, – закрыв голову руками кричал, срываясь на плачь, сорокалетний жирный как боров мужик.

– Сломать, гандона. Развалить, – слышались выкрики из толпы.

– Вечером разговор, – тихо, но убедительно сказал Рахим.

– Да чего ждать то, щас сломать этого пидора, начали возмущаться кровожадные лысые уголовники.

– Я сказал вечером. А пока пару звонков надо сделать. На волю дотянемся, подтвердим, – с этими словами он бросил брусок на пол и вышел из секции.

Воробья куда-то увели и народ начал расходиться, принимаясь за свои житейские дела. Остальные новоиспеченные зэки принялись обживать в бараке.

Олёкминский со своей семейкой уже пил чай. Душегуба и барыгу пока временно разместили на свободных шконках и они продолжили знакомство. А Воробей ждал вечера, сидя

на скрученном матрасе в углу барака.

Время пролетело быстро, и вечер не заставил себя ждать. Уже в другой, дальней секции собирался «разговор», на который могли придти все желающие из «массы».

Собралась половина барака. Среди этой массы спецконтингента находились разные люди. Это и какие-то авторитетные арестанты, которые отвечали за определенные дела в лагере и простые смертные.

Рахим и еще трое парней, из круга братвы, расположились на двух шконках и что-то обсуждали в полголоса. В этот момент привели Воробья, который был бледен как смерть. Его узкие глаза округлились и были полны страха.

Его посадили на корточки в центре помещения. Гул разговоров стих и в прокуренном воздухе повисла тишина.

– Ну что, Гаврюша? Нахуй ты пиздел-то? Не я, не моя. Люди другое говорят. За тебя всё знаем уже, – начал Рахим.

– Чё скажешь? – спросил седой незнакомый мужчина лет 50-ти, сидевший рядом с Рахимом. Воробей молчал, опустив голову.

– Да чё он скажет?, Обожрался, блядина, и типа не помнит. Всё он мразь помнит, не один раз было. Хули с ним разговаривать? – подключился третий, видимо, тоже авторитетный зэк.

В этот момент в комнате появились 4 молодых парня с брусками в руках. При виде их Гаврила затрясло, и он не смог сдерживаться и заплакал.

– Ломайте, – коротко и сухо произнес Рахим. – Если не сдохнет, тряпку в зубы и, – с этими словами он затушил сигарету и вышел из секции.

Парни с брусками обступили Воробья, и он от страха не удержался и рухнул с корточек на колени, инстинктивно закрыв голову руками.

– Руки убери, блядина, выдохнул один из парней и нанес первый удар бруском в плечо. Воробей взвыл, но руки не убрал.

– Руки, блядь!!! – заорал другой спортик и ударил ребром бруска по голове прикрытой руками. Гаврюша завизжал от боли и вытянул руки вперед.

Третий удар пришелся по правому предплечью и послышался страшный хруст ломающейся кости. Воробей орал от боли. Одна рука повисла, а второй он упирался в пол. Но после череды ударов хрустнула кость и второй руки. Кожа на руке лопнула, и кровь из-под рукава потекла на пол крупными каплями.

Удары стали учащаться. Комната наполнилась визгом и стонами избиваемого и ярим подбадриванием со стороны зрителей.

– Забить его на хуй, как собаку. Ломай ему кости. Тварь ёбаная, – орали почувствовавшие запах крови, озверевшие зрители. Толпа жаждала зрелища. Гул нарастал вместе с частотой ударов. Один из ударов пришелся по лысой голове, прямо ребром бруска. От этого удара кожа лопнула и через

длинную окровавленную рану показалась белая кость черепной коробки. Кровь потекла по лицу не замолкающего Воробья. Он выл, слезы и сопли текли по лицу, перемешиваясь с кровью и падая на пол.

Удары становились всё ожесточеннее, и уже никто не старался попасть конкретно по руке или ноге. Четыре разъяренных зэка с налитыми кровью глазами просто забивали уже упавшее на пол бесчувственное тело. Хруст костей всё еще был слышан, и из-под опухшей в рваных ранах головы растеклась лужа бордовой крови.

Озверевшая толпа не унималась, и неизвестно, сколько это могло еще продолжаться, если бы не голос Рахима.

– Хорош, выкиньте его за локалку. Пусть менты забираю.

С молниеносной скоростью в секции появились несколько шнырей и куда-то утащили бесчувственное тело, напоминавшее окровавленный мешок с костями. Еще двое схватились за тряпки и стали замывать следы казни.

Присутствующие зеваки растворились и через несколько минут в секции не осталось и следа от произошедшего.

Барачная жизнь потекла своим руслом, а о сегодняшнем «разговоре» напоминали лишь редкие шушуканья зеков за кружкой чая.

ГЛАВА 2.

Жирный 35 летний мужик небольшого роста, в грязной майке, сидел со своими друзьями на кухне. Он и еще трое его собутыльников допивали четвертую бутылку водки, закусывая жареными свиными потрохами. Один из приятелей давно уже спал, засунув морду в тарелку с остатками варева, перемешанного с майонезом. Слюни текли, и он во сне бормотал что-то невнятное.

Двое других орали друг на друга матом и явно ссорились. До драки оставались считанные секунды, но внезапно они мирились и начинали обниматься, намазывая сопли друг другу на щёки.

– Ээ, Егор тохто на хуй, братка, за тебя дорогой, – поднял кружку с дешевой водкой хозяин квартиры. Заплывшие узкие глаза смотрели куда-то сквозь Егора. В уголках пухлых губ собрались белые слюни и остатки еды.

Он влил в себя содержимое стакана и не вытирая рта потянулся за сигаретой, опрокинув на пол консервную банку с бычками и остатками кильки.

– Бля, сука, ёбанай.– С этими словами он потянулся за банкой и потеряв равновесие упал на пол. Стоя на карачках, он бормотал что-то несвязное и матерился.

Если бы нормальный человек сейчас вошел на эту кухню, то его непременно бы стошнило от запаха вонючих тел,

табачного дыма и перегара. Грязная посуда горой лежала в ржавой раковине, а по полу валялись пустые бутылки.

Запах этот стоял не только в маленькой кухне, но и распространялся по остальным двум комнатам небольшого ветхого дома. Постоянные пьянки и дебоши, превратили когда-то уютный дом в пристанище алкашей.

Было утро, жена ушла на работу. В одной из комнат женщина лет 60-ти сидела в кресле у телевизора и не реагировала на происходящее. В другой маленькой комнатке, заваленной вещами, еще спали трое детей. Четырехлетний Саша и шестилетняя Вика спали на одной узкой кровати, а рядом на полуразвалившемся диване спала их старшая сестра Даша. Даше только что исполнилось 14.

Праздник продолжался и в пьяном угаре гости даже не заметили, как хозяин квартиры, взяв со стола нож, шатаясь, вышел из кухни.

Он тихо вошёл в детскую и убедившись что младшие дети спят, еле держась на ногах подошел к дивану.

Стараясь не шуметь, он навалился всем своим жирным телом на спящую Дашу и резко закрыл ей рот рукой. Девочка проснулась и хотела закричать от неожиданности и испуга, но этот ублюдок подставил кухонный нож к ее горлу и шепотом произнес – Будешь орать, горло тебе перережу, а потом и сестре.

После этих слов он сотворил со своей дочерью такие страшные действия, только от мысли, о которых может по-

шатнуться психика нормального человека.

После всего этого, он спокойно вернулся к своим собутыльниками, которые даже не заметили его отсутствия, или сделали вид, что не заметили.

Даша стояла в сенях и тихо плакала в тот момент, когда к ней вышла бабушка – мать того ублюдка. По ногам ребёнка текла кровь.

– Я хотела зайти и зарубить его топором, – произнесла тихо старуха.

– Мне страшно, я хочу рассказать маме, но боюсь, что он убьёт братика и Вику.

– Что ты, не надо расстраивать маму. Только хуже сделаешь. Пусть лучше так, – начала уговаривать Дашу больная мразь.

Все эти чудовищные преступления длились уже шесть лет. Впервые это произошло, когда Даше было всего 8. И всё это время старая блядь покрывала своего сыночка ублюдка.

Шесть лет бедный ребенок терпел эти не укладывающиеся в голове ужасы. Но однажды всё же тайна раскрылась. В один из дней очередной пьянки, этот моральный урод, чувствуя свою безнаказанность, приставил нож к горлу четырехлетнего Саши.

– Раздевайся, или я щас ему голову отрежу, – заорал он на Дашу. А затем надругался над ней на глазах малышей. Вика рассказала об этом в садике. А дальше полиция, следствие и прочие стандартные процедуры.

Приговором районного суда, Гаврил был признан виновным в 7 доказанных преступлениях. Его приговорили к 19 годам лишения свободы в колонии строгого режима.

Да, да, вы не ошиблись, это тот самый Гаврил – Воробей. И хоть и казалось бы, что он понес наказание по закону и не только. Я не берусь судить правы ли те, кто назначил 19 лет лишения свободы или те, кто ломал ему кости брусками. Но могу сказать одно, что ни кто не вернет несчастному ребенку его детство и нормальную психику. Травма, полученная от рук этого ублюдка и его покровителей, никогда не заживет.

ГЛАВА 3. АРЕСТ.

Я сидел в клетке в отделении полиции, куда меня только что привезли 12 сотрудников на пяти служебных автомобилях.

Помещение было отгорожено от коридора металлической решеткой, за которой располагалась стена с большими стеклянными окнами дежурной части полиции по району Перово города Москвы.

В моей клетке было две, прикрученные к полу скамейки и один маленький железный столик. В углу стоял сейф, о предназначении которого я не знал.

А на правой стене располагалась железная дверь с глазком. Дверь вела в запираемое помещение (стакан). Стакан был открыт, и в эту предновогоднюю ночь посетителей в нём не было.

После долгой суматохи и стандартных процедур оформления задержания, все куда-то растворились, и складывалось впечатление, что во всем здании нахожусь только я и еще два полицейских, которые бесконечно куда-то звонили.

Из-за окон было плохо слышно, о чем они говорят, но я понимал, что причиной их волнения стала моя персона. Звонили они в Якутию, где в это время была глубокая ночь.

Я еще надеялся, что меня скоро отпустят. Что сейчас они там разберутся, поймут, что ошиблись, и я поеду домой к

жене и сыну готовиться к Новому Году.

Надежда еще оставалась хотя бы по тому, что меня не закрыли в этот самый стакан, и я сидел почти ещё вольный человек в ожидании скорейшего освобождения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.